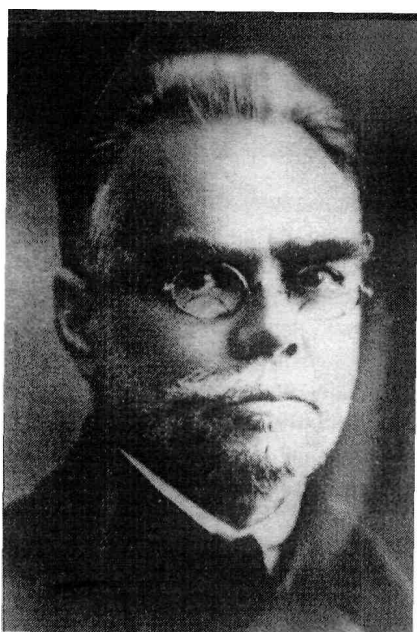

ДИНАСТИЯ ПРОФЕССОРОВ ПЕРВУШИНЫХ

ЧАСТЬ II

ВСЕВОЛОД ПРОКОПЬЕВИЧ ПЕРВУШИН: ОСНОВАТЕЛЬ
И ОРГАНИЗАТОР ПЕРМСКОЙ ШКОЛЫ НЕВРОЛОГИИ*Лидия Мишланова*

Мысли о родном городе, который он любил, все настойчивее посещали Всеволода Прокопьевича, особенно с тех пор, как здесь, на Урале, открылся первый государственный университет. Еще в 14-м году умер его отец, и мать оставалась в городе одна. В 17-м году из Казани в Москву уехал любимый учитель Ливерий Осипович Даркшевич, вместо него профессором клиники нервных болезней и заведующим кафедрой был избран А.В. Фаворский. Однако мысли о возвращении в родной город не могли осуществиться, пока шла гражданская война, пока университет в Перми не работал. И лишь в начале 20-х годов появилась, наконец, реальная возможность переезда: В.П. Перушина, известного к тому времени невропатолога, доктора медицины и общественного деятеля, пригласили в Пермский университет, предложив заведование кафедрой и должность директора клиники нервных болезней, которую еще предстояло организовать.

Всеволоду Прокопьевичу было на тот момент уже пятьдесят два года.

К этому времени сыновья Всеволода Прокопьевича и его супруги Александры Андреевны — Николай и Юрий (Георгий) — окончили Казанский университет, старший уже преподавал на одной из кафедр. Но вот какое дело: видимо, в 1922 или в 1923 году, когда, как писал Ф.И. Шаляпин, «поток добровольно отъезжающих и насильственно высылаемых... нежелательных лиц резко усилился», Николай навсегда покинул Россию. Почему? На этот счет мнения пермских учеников профессора В.П. Перушина разноречивы. Один пишет: «Старший был экономистом-международником, много лет работал в советской экономической миссии в Париже. В довоенные годы Всеволод Прокопьевич несколько раз ездил к нему во Францию через Германию». Вторая ученица вспоминает, что старший сын профессора не принял революцию, не захотел оставаться в советской России и добился разрешения на выезд, назвавшись родственником В.И. Ленина и прибегнув к помощи Дмитрия Ильича Ульянова. При этом она ссылаясь на интервью в «Комсомольской правде», опубликованное в годы перестройки, но когда — точно сказать не могла.

Где же, в конце концов, правда? Что известно доподлинно, а что может быть принято как допущение? Профессор В.П. Перушин, действительно, уже работая в Перми, дважды выезжал в зарубежные научные командировки: в июле-сентябре 1924 года он был в Берлине, в июле-октябре 1928-го — в Париже. Есть об этом его собственноручная запись в «Личном листке по учету кадров». Хотел ли он увидеться с сыном? Ну, естественно, хотел. Виделся ли? Наверное, виделся, но никому об этом не рассказывал: ни родственникам, ни тем более посторонним.

Почему-то это была, если судить по некоторым косвенным обстоятельствам, запретная тема. Он мог поделиться только с женой, матерью, которой никогда больше не довелось увидеть своего старшего сына.

Его жена, Александра Андреевна (в девичестве Залежская), на самом деле была двоюродной сестрой Владимира Ильича Ленина и, следовательно, Дмитрия Ильича Ульянова и их сестер. Они состояли в родстве по материнской линии, то есть Александра Андреевна тоже была внучкой доктора Бланка, жившего некогда в Перми. Таким образом, молодой Николай Первушин, добывавшийся в начале 20-х годов разрешения на выезд из советской России, вполне мог обратиться к своим родственникам — и к Анне Ильиничне, и к Марии Ильиничне, и к Дмитрию Ильичу Ульяновым, поскольку сам Ленин был в то время тяжело болен.

Высказывалась также версия, что Николай покинул родину не только по политическим соображениям, но ещё из-за страстной любви к отъезжавшей иностранке, будто бы француженке. Но версия окажется несостоятельной: Николай к тому времени был человеком женатым и разводиться не собирался. Однако так или иначе старший сын Всеволода Прокопьевича оказался в эмиграции. И вот это, предположила я, и было одной из серьёзных причин, повлиявших на отказ В.П. Первушина принять высокий пост ректора Пермского государственного университета.

Я уже думала, что никаких новых сведений о старшем сыне В.П. Первушина найти не удастся. К счастью, это оказалось не так. И в нашем повествовании о нём ещё пойдёт речь, правда, немного позже.

* * *

Теперь рассмотрим ту причину отказа от ректорства, на которую ссылался сам Всеволод Прокопьевич, — недостаток времени. Что он имел в виду? При поверхностном взгляде причина эта кажется странной и неубедительной: ведь помимо своих главных обязанностей невропатолог Первушин всегда охотно брал на себя уйму разнообразных организационных, педагогических, санитарно-просветительских и прочих общественных дел. Так было в Казани, так было и в Перми. И всегда, как бы ни был загружен, он с этим справлялся. Однако почти все принимаемые им на себя обязанности имели медицинский профиль. Он был очень целеустремлённым и понимал, что совмещение должности ректора

классического университета с преподаванием сложнейших дисциплин, с заведованием клиникой и ее подразделениями, с ведением общественной работы в интересах медицины в его жизни нежелательно. У него, накопившего большие знания и опыт, но и разменявшего шестой десяток лет, была серьёзная и сложная задача: поставить дело подготовки научных кадров и врачей-невропатологов в Перми на высший уровень и таким образом обеспечить населению эффективную и широкодоступную неврологическую помощь.

Вступив в заведование нервным отделением Пермской губернской больницы 17 октября 1921 года, он приступил к созданию совершенно нового учреждения — учебного, лечебного и научно-исследовательского — университетской клиники нервных болезней. При клинике сразу же была организована амбулатория, через два года — физиотерапевтический кабинет, в 27-м году — водолечебница и второй физиотерапевтический кабинет, появились библиотека, музей, была собрана большая коллекция учебных пособий из специальных приборов, инструментов, рисунков, таблиц, привезённых профессором из-за границы. С 30-х годов при клинике существовала нейропатоморфологическая лаборатория, где многие годы работал врач-лаборант А.А. Неугодинов. В 1947 году В.П. Первушин открыл ещё и свою клиническую лабораторию. Одновременно все эти годы шла подготовка сотрудников и совершенствование их квалификации.

22 октября 1922 года профессор прочитал первую лекцию на медицинском факультете Пермского университета. Обратимся же к мнению тех, кто слушал его лекции.

Известный пермский хирург профессор А.П. Соколов, окончивший медфак в 1924 году, писал: «Всеволод Прокопьевич имел какой-то врожденный недостаток. Речь его была невнятной, и слушать его было трудно. Приходилось бороться за первые ряды в аудитории. Однако лекции его доставляли удовольствие. Он мастерски разбирал больных, тонко и глубоко проникал в тайны заболевания. Он вызывал восхищение своей эрудицией, сердечностью по отношению к больному».

Будущий академик В.В. Парин окончил пермский медфак в 1925 году и много лет спустя тоже вспоминал своего учителя: «Он поражал нас точной топической диагностикой — определением места поражения нервной системы... Всеволод

Прокопьевич опередил свое время. Сейчас, в дни огромных успехов нейрохирургии, он стал бы неоценимым консультантом хирургов».

Более тридцати лет разные поколения пермских студентов-медиков изучали «Учение о нервных болезнях с клиникой» — курс, который вел Всеволод Прокопьевич. Кроме того, им были введены необязательный курс «Поликлиника нервных болезней» и обязательный доцентский курс «Физиотерапия».

Постепенно наладилась научная работа клиники с участием ее сотрудников. Профессор «обрастал» помощниками, учениками, единомышленниками. В тематике исследований отражались прежде всего научные интересы самого профессора, а они были широки, разнообразны, к тому же отвечали насущным требованиям жизни. В Перми его интересовали главным образом специфические нейроинфекции (полиомиелит, весенне-летний клещевой энцефалит), мышечные атрофии, нейросифилис, вопросы нейрохирургии, нейротравматологии (особенно во время Великой Отечественной войны), ликвор, то есть спинномозговая жидкость и ее патология, санаторно-курортное дело, физиотерапия и, конечно, влияние алкоголя на нервную систему и борьба с алкоголизмом.

Главным направлением пермской школы невропатологии В.П. Первушина стало исследование клещевого энцефалита — очень распространённого на Западном Урале, да и не только здесь, тяжёлого заболевания. Кроме того, сотрудники кафедры изучали поражения нервной системы при авитаминозах (пеллагре), вопросы нейроонкологии,

В Перми (Молотове) в военном 1942 году вышла 60-страничная брошюра профессора В.П. Первушина «Нервная система и ее заболевания», которая стала, по сути, учебником для студентов и руководством для практических врачей. Этой книге предшествовал тщательно в течение многих лет разрабатываемый и изданный годом раньше «План клинического исследования нервной системы» (еще в 1927 году первый вариант его был опубликован в сборнике как «Схема исследования нервнобольных»). Всеволод Прокопьевич придавал огромное значение методике обследования и от всех своих учеников требовал четкости и строгой последовательности в изучении человека и его болезни.

Под его руководством вырастали молодые ученые, некоторые из них со временем сами стали

докторами медицинских наук, возглавили кафедры невропатологии в разных городах Советского Союза: это Д.Т. Куимов (сокурсник В.В. Парина), А.А. Печёркин, В.Р. Овечкин, Ю.В. Первушин (младший сын профессора), А.П. Иерусалимский, доцент И.А. Дмитриев. Кроме того, за тридцать лет деятельности В.П. Первушина в Перми были подготовлены 15 ассистентов, десятки ординаторов и врачей, прошедших стажировку и первичную специализацию по невропатологии.

О том, каким был профессор В.П. Первушин в жизни (а жизнь его проходила преимущественно в клинике, в которой до войны и после войны размещалось девяносто коек вместо двадцати в 1921-м), А.П. Иерусалимский рассказывает в книге «Записки старого профессора медицины» (Новосибирск, 2005). Впечатления автора относятся к послевоенным годам (конец 40-х — начало 50-х прошлого столетия), то есть к позднему периоду в деятельности Первушина. И вот что он пишет:

«Профессор Первушин Всеволод Прокопьевич был роста небольшого, телосложения довольно грацильного. Продолговатое с высоким лбом лицо венчал короткий ёжик седых волос. Нос маленький, прямой и короткий. Очень коротко остриженные усы и такая же небольшая бородка. Из-под кустистых бровей — очень внимательные серые глаза сквозь продолговатые очки в золотой оправе. Одет всегда очень тщательно. Белоснежная сорочка, гладкий аккуратный завязанный темный галстук. Костюм великолепного пошива, тройка. Зимой — чёрная, весной, осенью — серая. Летом — иногда чесучёвая. По жилету — двойной дугой золотая цепочка к карманным золотым часам. Немногословен, доброжелателен, может поворчать, но не зло и недолго. Спокоен, не суетлив. В бытность мою ординатором ему было 78-81 год. Интеллект богатейший. Память и на прошлое, и на текущее — великолепная. Помню, пришла к нему на консультацию женщина средних лет, назвалась. Он посмотрел на нее и говорит: «По-моему, мы с Вами уже встречались году в 1927», — и называет бывшую у нее в ту пору болезнь. Точно! Звонишь ему из клиники с вечернего обхода с докладом, и он спрашивает о состоянии конкретных больных, называя их либо по фамилии, либо по номеру палаты и расположению койки в ней. На обходах, конференциях часто приводил интересные примеры из своей практики, суждения известных

ученых. В институте, больнице, у больных пользовался огромным, непререкаемым авторитетом. После разборов сложнейших больных все сотрудники признавали его заключение, которое он выносил только опросив всех присутствовавших от ординаторов до доцентов (именно в таком порядке)».

Дополнить образ старого профессора маленькими, но очень выразительными деталями помогла моя встреча с одной из учениц В.П. Первушина — Тамарой Тимофеевной Гончаровой (Варанкиной). Выпускница Пермского (Молотовского) мединститута, она в начале 50-х годов была старшим ординатором клиники нервных болезней. Вот профессор, рассказывала она, внимательно смотрит на больного (кстати, слово «больной» не произносилось, обращение только по имени-отчеству). Задаёт вопросы, вынимает молоточек... По тому, как человек говорит, по его внешнему виду профессору уже многое ясно. — «Был удивительно пронизательный». Во время лекции, продолжает Тамара Тимофеевна, профессор обязательно демонстрировал не менее двух больных. Каждого из них представлял лечащий врач. Самым близким и надёжным помощником профессора стал доцент Сергей Петрович Швецов, работавший на кафедре с 1930 года. Это о нем вышедший на пенсию Всеволод Прокопьевич с сожалением писал Д.Т. Куимову: «С.П. Швецов — знающий, но застрял с докторской диссертацией (тема военная, оказалась разработанной не по современному направлению)».

В памяти Тамары Тимофеевны до сих пор живы события на кафедре и в клинике (тогда они уже были административно разведены: кафедра принадлежала, как и сейчас, вузу, отделение нервных болезней — областной больнице, но при жизни Всеволода Прокопьевича фактически оставались единым целым). Авторитет профессора в глазах всех безукоризненно высок, хотя говорит он мало и совсем не вмешивается, как бы сейчас сказали, в межличностные отношения. Но всё видит и замечает. Есть среди сотрудников кафедры ассистент-женщина, знающая, активная, но прямо-таки со стержневым характером, любит шпынять и подкалывать коллег, в том числе достаётся и Тамаре Тимофеевне. И вот после очередного инцидента вечером в общежитии её зовут к телефону. «Как Вы себя чувствуете? — спрашивает профессор. — Не мёрзнете? А из продуктов что-то есть?» Время-то послевоенное, еще голодное.

И он тревожится, зная, что она сегодня обижена и переживает.

Еще эпизод. «Однажды я сижу у него в кабинете, — вспоминает Тамара Тимофеевна, — мы разговариваем. Всеволод Прокопьевич вдруг говорит: «Как душно! Всё еще топят!» И я вскакиваю, чтобы открыть форточку. «Нет, нет! — восклицает профессор. — Сидите!» И открывает сам, хотя форточка высоко и надо подниматься. А ему уже за восемьдесят! Вот таким был — джентльменом».

И рассказывает дальше: «На праздники собирал всех вместе — сотрудников кафедры, врачей больницы, сестёр и санитарок. А когда принимали на работу новенькую санитарку, он непременно беседовал с ней сам, хотя это не входило в его обязанности. Расспрашивал, как ведет свой дом, знает ли, что ей придется ухаживать за лежачими больными — каждый день перестилать постель или встряхивать простыню, как при этом не потревожить больного. Я сначала думала, что это лишнее, а потом поняла: именно так и надо. Ведь сколько еще бескультурья, невежества!».

До сих пор на кафедре неврологии хранится написанный профессором Первушиным трогательный, совсем не казённый документ: «Мой наказ няням и сёстрам». Он состоит из четырнадцати, казалось бы, очень простых советов, но важных, как это ни странно, и сейчас, в начале XXI века: ведь мы и теперь порой наблюдаем, что даже не каждый врач вежлив с пациентами и далеко не каждый моет руки перед осмотром больного. Начинается «Наказ» с главного: «Больному — всё ваше внимание, уход, помощь, ласку и заботливость». Примером такого отношения к людям был сам профессор. Недаром пациенты его любили, а сослуживцы за глаза называли: «Vater» (отец по-немецки).

При нём и его сотрудниках на кафедре и в клинике (позже ставшей отделением областной больницы, которым заведовала Е.Е. Голофастова) поддерживался исключительный порядок. Но профессор Первушин был таким человеком, что больницей и вузом его деятельность никогда не ограничивалась. Он любил город и не хотел мириться с грязью на его улицах, с отсутствием благоустройства. Между тем Пермь очень долго оставалась не таким уж большим населённым пунктом. Несколько лет она имела статус всего лишь окружного, а в 1930—1932 годах — даже районного центра. И вид у нее был заброшенный, прямо сказать, плачевный. Иллюстрацией этого

могут служить объявления в газете «Звезда». 2 февраля 1932 года: «Коза потерялась: белая, рогатая. Большевицкая, 56, кв. 5». И тут же: «Утерян лаковый мужской полуботинок в августе м-це. Нашедшего прошу доставить за вознаграждение: Красноуфимская ул., № 26, часовому мастеру». 16 июля того же года: «Потерялась корова... ул. Университетская». 5 сентября: «Потерялись гуси, 2 белых и 2 серых. Сообщить: Егошихинский пос.».

Как видим, даже на центральных улицах паслись козы, коровы, бродили свиньи и стада гусей. Весной и осенью, а в дожди и летом горожане с трудом передвигались по размокшей глине, оставляя в лужах галоши и туфли. А пьяниц в городе всегда было много. И всё это с тоской, грустью и возмущением наблюдал Всеволод Прокопьевич и не молчал. Как депутат горсовета говорил об этом на заседаниях, вносил предложения, участвовал в проверках, как постоянный на протяжении многих лет нештатный корреспондент «Звезды», писал в газету. Впрочем, вопросами благоустройства его участие в «Звезде» не ограничивалось. Газета охотно публиковала статьи и заметки профессора Первушина о работе общества невропатологов и психиатров, где он был бессменным председателем, о необходимости использовать природные ресурсы края для развития санаторно-курортного дела, просветительские беседы о вреде алкоголизма. Таким образом, к огромному количеству его специальных научных работ можно добавить десятки, если не сотни, научно-популярных и критических корреспонденций, рассчитанных на широкий круг читателей.

Не могу не упомянуть ещё об одной грани его обширнейшей деятельности. Начав писать о пермских профессорах-медиках, я сразу же наткнулась в архиве на материалы по истории областной, бывшей Александровской больницы, собранные Всеволодом Прокопьевичем. Оказалось, что в 30-х годах, когда отмечалось столетие главного лечебного учреждения нашего края, именно профессор Первушин возглавлял

юбилейную комиссию. И он сам собирал сведения об ученых, первых руководителях медицинских кафедр и университетских клиник, уточнял даты рождения, записывал о каждом, откуда приехал. По этим материалам была издана брошюра. Однако о всей жизни профессора В.П. Первушина, тем более такой содержательной и богатой на события, не расскажешь. Одно бесспорно — Пермь уважала этого невысокого, щупленького, ходившего мелкими шажками, имевшего седой ёжик на голове и невнятную дикцию профессора. Уважала за глубокие знания, за доброту к людям, за неуёмную энергию и потрясающее трудолюбие, за скромность и интеллигентность. Он был награждён орденом «Знак Почёта» и орденом Ленина, медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и «За Победу над Германией». А сколько почётных грамот и благодарностей он получил! И надо отметить, что если награждались сразу несколько самых видных профессоров-медиков, то имя В.П. Первушина неизменно стояло первым. Его признавала не только Пермь — он был одним из выдающихся невропатологов Советского Союза. И когда праздновались его юбилеи, приходило множество телеграмм из Москвы, Ленинграда, Казани, Киева, Харькова, Минска, Риги... и даже в 1934 г. из Франции, от парижского коллеги профессора-невропатолога Ж. Гиллэна. Правда, в конце 40-х — начале 50-х годов, во времена «холодной» войны и борьбы с космополитизмом, отношение начальства к В.П. Первушину тоже вдруг «похолодало». В январе 1954 года он писал Д.Т. Куимову: «Сборник, мне посвящённый в связи с 45-летием (научно-педагогической и лечебной деятельности — Л.М.), так и не вышел (его «загубил» Сумбаев — директор), а были статьи для него и местные, и с Кавказа, и даже одна из Берлина». Между тем, это был последний год жизни замечательного врача и учёного.

Продолжение следует.

